

Brandner, Aleš

[Бурмистрович, Юрий Яковлевич. Историческая фонемология цепи славянских языков, связанных отношениями "предок - потомок", от праиндоевропейского в лице его протославянского диалекта до русского: теоретический курс: учебное пособие для студентов-филологов-русистов высших учебных заведений]

Linguistica Brunensia. 2010, vol. 58, iss. 1-2, pp. 366-369

ISBN 978-80-210-5250-5

ISSN 1803-7410 (print); ISSN 2336-4440 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/115033>

Access Date: 20. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Бурмистрович, Ю. Я.: Историческая фонемология цепи славянских языков, связанных отношениями «предок – потомок», от праиндоевропейского в лице его протославянского диалекта до русского. Теоретический курс. Учебное пособие для студентов-филологов-русистов высших учебных заведений. Абакан, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2008. – 256 с. ISBN 978-5-7810-0536-9

Предлагаемое учебное пособие посвящено одной из дисциплин, рассматривающих развитие целого ряда языков, которые, переходя друг в друга, в конечном итоге подготовили появление современного русского языка, т. е. тем вопросам истории фонематических систем указанной цепи славянских языков, которые были предметом рассмотрения во многих десятках, если не в сотнях книг. В его основе лежат новые идеи. Таким образом оно весьма и отличается от книг других авторов. Настоящее пособие описывает всю фонематическую историю от праиндоевропейского до русского состояния не в нескольких дисциплинах, как это обычно делается, а в одной, следовательно не кусками, а целостно. Здесь учитываются и используются такие основополагающие причины историко-лингвистических наук, как системность, причинность, закономерность, механизм историко-языковых процессов, строго последовательный историзм.

В «Предисловии» (с. 11–19) говорится о необходимости и важности историко-лингво-славяноведческих дисциплин при подготовке учителей русского языка и литературы на факультетах с филологическим уклоном высших учебных заведений. Представлена наиболее эффективная система данного курса, приводится список рекомендуемой учебной литературы.

В весьма содержательном введении («Введение», с. 20–83) учащийся знакомится с предметом данного курса, его задачами и разделами, понятийным аппаратом, так как успешное изучение любой науки возможно лишь при хорошем владении общей системой ее основных понятий, с помощью которых описывается все содержание науки. Проходятся понятия, связанные с фонематическими сущностями и их изменениями, представлен принцип изложения материала на протяжении одного периода или этапа в развитии фонематической системы, приводятся транскрипционные знаки, принятые в настоящей книге. Дело в том, что в любой историко-лингвистической работе используются те или иные транскрипционные знаки, но у разных авторов они обычно не совсем одинаковы. Поэтому автор счел целесообразным тем транскрипционным знакам, которые приняты в его пособии, посвятить отдельный параграф.

Основная часть книги распадается на четыре раздела.

Развитие фонематической системы в период праиндоевропейского языка рассматривается в первом разделе («История фонематической системы протославянского диалекта праиндоевропейского языка», с. 84–104). В нем описывается ее начальное состояние, причем в отдельности обращается внимание на подсистему консонантизма и на систему вокализма. В них наблюдаются особенности, резко отличающие их от соответствующих современных русских подсистем. Сочетаемость фонем в пределах слога и слова была свободной. Слоги были и открытыми, и закрытыми, характеризовались они интонацией, словесное ударение было музыкальным, каждая гласная имела особый признак длительности – долготу, или краткость. Произошли дополнительные, сопутствующие процессы; это были прежде всего процессы дивергенции. В связи с этим можно упомянуть процесс сатэмизации, происшедшей не только в протославянском диалекте и не во всех случаях протославянского диалекта праиндоевропейского языка, где ее можно было бы ожидать, если сопоставить славянские слова с аналогичными по корню словами других сатэмных языков, в которых сатэмные рефлексы сохранились. Поэтому соотношение сатэмных рефлексов славянских языков с сатэмными рефлексами других сатэмных языков и кентумными рефлексами несатэмных (т. е. кентумных) языков оказывается нерегулярным. В результате происшедших всех процессов в данный период был вызван к жизни фонематический закон дебеомализации-делабиализа-

ции, потребовавший устранения бемольности, связанной с лабиализованностью, вообще. Полностью утратились бемольные лабиализованные гласные заднего ряда. Протославянские фонетические процессы имеют свой результат в современном русском языке: отсутствует озвончение глухих шумных согласных перед [v], [vʹ]: *ботва* [batva], *ветегѣ* [vʹetʹvɛj], опосредствованно также такие чередования, как: *течь* – *поток*, *лезть* – *лазить*.

Второй раздел посвящен фонематическому развитию праславянского языка («История фонематической системы праславянского языка», с. 105–163). Автору рецензируемого пособия представляется более объективным первичное деление истории фонематической системы праславянского языка на три периода: ранний, средний, поздний. Это деление соотносится с тремя наиболее глобальными процессами, относящимися к группофонемам и к открытиям В. К Журавлева: 1) с формированием группофонем, 2) с генерализацией группофонем, 3) с разрушением группофонем. В ранний и поздний периоды выявляется действие одного закона в каждом из этих периодов, а в средний период – действие трех законов; это позволяет внутри этого периода выделить три подпериода. Формирование группофонем стало причиной возникновения фонетического закона внутрифонемного сингармонизма.

В рамках *раннего* периода названный закон закрепил сочетаемость одинаковых по тональности согласных и гласных звуков и вызвал два фонетических процесса: появление нового согласного звука [j] и первую переходную палатацию заднеязычных согласных (традиционно называемой палатализацией).

В ходе *среднего* периода родились три разных фонетических закона. В соответствии с этими тремя законами внутри этого периода можно выделить три этапа. Первый характеризуется действием уже упомянутого закона внутригруппофонемной восходящей звучности. Его результатом был процесс изменения согласных перед йотацией. Второй этап отличается действием фонетического закона открытых слогов, который вызвал процесс монофтонгизации дифтонгов и устранение шумных согласных в абсолютном конце словоформы. Почти все фонемы объединились в словах в группофонемы, а также то, что в языке появилось несколько новых чередований звуков: *засовывать* – *засунуть*, *бей* – *бить*, *пой* – *петь*, *совать* – *сунуть*, *клевать* – *клюнуть*, *пою* – *пел*. В рамках третьего этапа распространился на все звуки слога закон внутрислогового сингармонизма, который явился причиной таких процессов, как образование конечных результатов на месте бывших дифтонгических сочетаний, оканчивающихся на неслоговой сонорный плавный, далее появление результатов воздействия звука [j] на стоявшие перед ним в словах смычные переднеязычные шумные согласные [d], [t], далее переходная палатализация заднеязычных согласных (традиционно вторая палатализация заднеязычных), которая проходила перед гласными переднего ряда дифтонгического происхождения и дала свойственные результаты.

В ходе *позднего* периода фонематическая система праславянского языка, состоявшаяся из группофонем, распалась на фонемы. Одним из свидетельств совершившегося этого разрушения явилась вторая переходная палатализация заднеязычных согласных, которая традиционно называется третьей. Возник фонетический закон парадигматической передвижки гласных фонем в своей подсистеме. Этот закон способствовал слиянию фонем [ē] и [ā] и исчезновению признака долготы-краткости. Вследствие происшедших позднепраславянских процессов в современном русском языке нет носовых гласных и имеются чередования типа *звон* – *звук*, *сницмок* – *снять*, *звук* – *звяк*. Результатом всех этих процессов явился распад праславянского языка на диалекты, которые впоследствии развились в самостоятельные языки.

В третьем разделе анализируется развитие фонематических систем древнерусского и церковнославянского языков («История фонематических систем православнославянского /или древнерусского/ и старославянского /или церковнославянского/ языков в сопоставлении их друг с другом», с. 164–204). После разрушения группофонем постепенно возник фонетический закон, который стал требовать устранения избыточности гласных в словоформах.

Из словоформы должны были уйти те гласные, которые несли меньшую фонематическую нагрузку, т. е. еры: в слабой позиции они исчезали, в сильной – вокализовались. В данном разделе объясняется механизм этого процесса, проходившего по т. наз. правилу Гавлика; об этом правиле известно, что оно не действует стопроцентно. Его нарушение было вызвано, с одной стороны, необходимостью приведения разошедшихся в силу падения еров одних и тех же корней слова к одному виду, что достигалось выравниванием разных форм слова по какой-нибудь из них, с другой стороны, необходимостью разгружать получающиеся в результате падения еров трудные для произношения скопления согласных звуков.

Фонематическая система церковнославянского языка свое развитие закончила на падении еров. Дальнейшее развитие этой системы было лишь приспособлением ее к развитию того местного языка, на территории распространения которого церковнославянский язык функционировал.

Что касается древнерусского языка, то он пережил еще немало своих собственных фонетико-фонематических процессов, а именно: развитие корреляции согласных по твердости-мягкости (здесь употребляется термин категория палатальности-непалатальности согласных), возникновение (особенно в северо-западных диалектах) т. наз. второго полногласия (здесь это явление называется древнерусским полногласием), конвергенция фонем [i] и [y], изменение сочетаний *гы, кы, хы* > *ги, ки, хи*, переход ударного *e* > *o* в начале слова и после палатальных согласных в середине и в конце слов, возникновение *цоканья* и *чоканья* (в севернорусских говорах), на месте взрывного [g] появился (прежде всего в южнорусских говорах) фрикативный звук [ɣ].

В развитии фонематической системы древнерусского языка все большим и большим оказывалось различие в развитии диалектов этого языка. В конце концов определенные группы древнерусских диалектов настолько отделились друг от друга, что образовали самостоятельные языки – русский, украинский, белорусский, на которые древнерусский язык распался в XIV в.

История фонематической системы русского языка на протяжении XIV–XVII вв. дается в четвертом разделе (*«История фонематической системы русского языка /XIV–XVII вв./*, с. 205–220). Начальная фонематическая система в разных диалектах русского языка была не совсем одинакова. В настоящем разделе описывается развитие этой системы в северо-восточном ростово-суздальском диалекте, от которого идет литературная разновидность современного русского языка. На начальной стадии развития русского языка возникли два фонетических закона – закон передвижки согласных фонем в своей подсистеме и закон передвижки гласных фонем в своей подсистеме. Результатом фонетических процессов, которые прошли в русском языке в течение исследуемого периода, было изменение звуковой реализации фонем [ɛ], [š], [c], утрата фонем [ě] и [ô], появление фонетического закона редукции гласных звуков в безударных слогах (следствие изменения музыкального ударения в силовое) и связанных с ним чередований гласных звуков и вместе с тем оканья, аканья и иканья.

В кратком заключении (*«Заключение»*, с. 221) полагается, что история фонематических систем цепи славянских языков от праиндоевропейского до русского языка преднационального периода, когда в основном сложилась та фонематическая система, которая живет и сегодня, практически не прерывалась.

Следует восемь приложений (*«Приложения»*, с. 222–253), относящихся по содержанию к изложениям отдельных разделов рецензируемого пособия.

Содержание (*«Оглавление»*, с. 3–10) помещено в начале книги.

В предлагаемом учебном пособии использованы открытия лингвистики XX века, усиливающие объяснение излагаемых процессов. Особенно большое внимание уделено теории группофонем В. К. Журавлева, которая на сегодня обладает самой большой объяснительной силой. В. К. Журавлев открыл не только группофонему, но и то, что фонематическая история

праславянского языка из указанной цепи языков представляет собой три глобальных процесса, а именно формирование, генерализацию и распад группофоном. Внутри этих глобальных процессов прошло много более частных процессов. Все это нашло отражение в настоящем пособии. Собственно, в нем показано, как работает теория группофоном. Изложения в нем ведутся так, чтобы они не принимались на веру, а принимались потому, что они обоснованы. На наш взгляд, в пособии могло бы быть больше иллюстративных примеров, чтобы учащиеся лучше поняли отдельные явления проходимого материала.

Алеш Бранднер

Дегтярев, В. И.: Дiachроническая грамматика русского языка. Древнерусские имена собирательные в сравнительно-историческом изложении. Научное издание. Ростов-на-Дону, НМЦ «Логос», 2007. – 240 с. ISBN 5-7051-0217-8

Имена собирательные в современном русском языке, как и в остальных славянских языках, образуют лексико-грамматический класс имен существительных, объединяемых общим характером предметно-логического содержания – обобщенно-качественными представлениями множеств однородных в каком-либо отношении или одноименных единиц. Исторически – это лексические средства выражения множественности, генетически предшествовавшие грамматической категории числа. К именам собирательным можно отнести только то имя существительное, которое обладает грамматически выраженным значением собирательности. Имена собирательные не изменяются по числам. В др.-русс. языке они составляли лексико-грамматический класс имен существительных словообразовательного характера.

В «Введении» (с. 3–23) автор настоящей работы определяет актуальность ее темы, разработанной на историческом и сравнительном материале др.-русс. языка. Категория имен собирательных в др.-русс. языке к моменту возникновения славянской письменности находилась в состоянии уже весьма близком современному. В истории русск. языка данной проблематики касались классики русск. языкознания (особенно: М. Смотрицкий, М. В. Ломоносов, Н. И. Греч, А. Х. Востоков, К. С. Аксаков, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, А. А. Шахматов, В. А. Богородицкий, Г. Павский, Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, Л. В. Щерба, А. Н. Гвоздев) в своих грамматических учениях, да и в учебных пособиях по исторической грамматике русск. языка ей уделяется какое-то внимание. По словам автора, в результате в них собран основной фактический материал, но результаты специальных исследований несколько не повлияли на изложение данной темы ни в вузовских учебниках, ни на практике издания и комментирования древних памятников книжности, ни при составлении словарей др.-русс. и ст.-русс. языков. История имен собирательных в них оторвана от ее начала (истоков), от древнейших праязыковых состояний. Исследование в предлагаемой работе основывается на письменных источниках др.-русс. и других славянских языков, сравнительно-исторических и типологических данных. Исследуются хронологические срезы от реконструируемого праслав. состояния до расчленения др.-русс. языка. Однако рамки исследования значительно расширены, поскольку исторические процессы развития категории собирательности прослеживаются в письменности до конца XVII в.

Генетические истоки собирательности в языке и в мышлении разбираются в первой главе («Собирательность в семантической структуре грамматической категории числа», с. 24–56). Собирательность облекается в формы выражения ед. и множ. числа. Только исторически можно объяснить, почему в том или ином конкретном языке предпочтительной оказывается форма ед., или множ. числа. Современный характер категории числа сформировался на индоевропейской основе вместе с оформлением флексии, когда флексия была приспособлена для выражения количественных отношений наряду с выражением падежных